
С. В. Дмитриев

**«Бухарские подарки»:
старинный восточный обычай
в контексте российско-бухарских отношений
конца XIX — начала XX вв.**

В 1893 г. в журнале «Нива» в разделе «Смесь» появилась небольшая заметка под названием «Подарки эмира Бухарского» следующего содержания:

«Подарки эмира Бухарского, поднесенные Государю Императору, Государыне Императрице и другим Членами Августейшего Дома. В числе этих подарков находится множество дорогих материй и ковров — произведений Бухары и, вообще, Востока: каракулевые меха, золотые чаши и блюда с чернью, пояса, усыпанные драгоценными камнями, серебряный сервиз с чернью, ожерелья с драгоценными камнями, трости, осыпанные бриллиантами, серебряные эмалированные ларцы и множество других драгоценных предметов. Особенно выделились: сабля в золотых ножнах с осыпанным бриллиантами эфесом, поднесенная эмиром Государю Императору, и шитый сплошь жемчугом зонтик для Государыни Императрицы, ручка которого осыпана драгоценными камнями. Затем эмиром приведены для подарков Высочайшим Особам 17 лошадей различных пород: текинской, туркменской, уратюбенской и кунградской. Каждая из них оседлана туркменским седлом, с золотыми и серебряными коваными стременами. Дорогие бархатные чапраки расшиты шелками и золотом; уздечка, нагрудники и нахвостники богато отделаны золотым набором. Некоторые из лошадей очень небольшого роста и напоминают породу наших южных степных лошадок, но все они отличаются замечательной выносливостью и быстротой, во время скачки как бы стелются по земле. Один из предназначенных для Государя Императора жеребцов, текинской породы, рыжий с бе-

лыми чулками на всех четырех ногах, считается лучшим скакуном Бухары, о котором бухарцы говорят, что “его догонит только один ветер”. Лошадям еще не дано названий; все они поставлены на главной царской конюшне. Для Государя Императора приведено собственно 5 лошадей: 2 жеребца рыжей масти, текинца, росту 2 аршина и 2 вершка, 1 жеребец караковой масти с золотистой подпалиной, туркменской породы, сильная крепкая лошадь 2 аршин и 2 вершков росту, и пара серых жеребцов бухарской породы, росту около 2 аршин, все по шести лет. Государыне Императрице — 3 лошади: 1 серый жеребец туркмен, росту 2 аршина 1 вершок, очень красивый изящный скакун, и пара вороных жеребцов бухарской породы небольшого роста. Один из этих жеребцов очень доброго нрава, почти ручной и немного дрессирован: дает ногу, кладет голову на плечо, с замечательно умными глазами. Наследнику Цесаревичу — также 3 лошади: 1 рыжий без отметин туркмен, стройный, легкий, как бы точеный жеребец, 2 аршин с небольшим ростом, может поспорить на скаку с текинцем, подведенным Государю Императору. Текинца, вероятно, назовут “Ветром”, а этого туркмена “Ветерком”; затем — пара жеребцов меньшего роста бухарской породы. Великим Княжнам Ксении и Ольге Александровне подведены пара пегих жеребцов бухарской породы очень доброго нрава. Великому Князю Георгию Александровичу — пара вороных жеребцов уратюбенской породы. На главной же конюшне стоит пара темно-гнедых жеребцов, предназначенных для Великого Князя Михаила Александровича. Так как все лошади исключительно скакуны, то, вероятно, некоторые из них будут запрягаться в тройках на пристяжку; коренники же будут подобраны иноходцы. Кроме этих 17 лошадей, эмир подарил по паре жеребцов Великим Князьям Владимиру и Александрию Александровичам и Михаилу Николаевичу»¹.

Заметки такого рода обычно появлялись в российской прессе во время регулярных визитов бухарского эмира или его наследника в Санкт-Петербург после распространения на Бухарское ханство российского протектората, а их содержание было достаточно однообразным. В подобных описаниях

---

¹ *Нива* III/2 (1893), с. 74.

поражает обилие даров, привозимых в ходе этих визитов. В результате в столице, да и не только в ней, скапливалось огромное количество чрезвычайно дорогостоящих изделий, произведенных в Бухарском ханстве. Некоторая часть их тем или другим путем поступала в музейные собрания, но в основном они распределялись по дворцам, принадлежащим императорской фамилии.

Однако было обычной практикой в ходе этих визитов одаривать не только членов императорской фамилии, но и чиновников Российской империи самого разного ранга, причем не только в столице, но и в сопредельном Бухаре Туркестанском генерал-губернаторстве. Сама обыденность этой практики и сопутствующие мотивы, связанные с ней, послужили предметом особой переписки между администрацией Туркестанского генерал-губернаторства в Ташкенте и Министерством иностранных дел России. Материалы этой переписки, являющиеся подготовительными к совещанию в Совете министров в конце января 1910 г., находятся в Российском государственном историческом архиве². Интересующий нас вопрос рассматривается в ней с точки зрения общих отношений между Россией и Бухарским ханством. При этом позиции военного ведомства в лице военной администрации Туркестанского края довольно сильно диссонировали с позицией Министерства иностранных дел.

Из материалов переписки, относящейся к 1909—1910 гг., мы узнаем, что в русской администрации к тому времени и уже неоднократно возбуждался вопрос об упразднении самого обычая поднесения эмиром бухарским подарков лицам, состоящим на русской государственной службе, и, несмотря на то, что этого все-таки не происходило, он постепенно подвергался некоторым ограничениям и изменениям. Так, вскоре после проведения через ханство Закаспийской железной дороги был отменен существовавший прежде порядок одаривания почти всех русских чиновников и офицеров, командированных в Бухару по делам службы, а иногда и просто проезжавших через ханство. Как отмечается в документах, эти дары производились не только от имени самого эмира, в частности, при представлении ему этих лиц, но и беками от его имени. Обычай поднесения подарков чинам Российского политического агентства в Бухаре при каж-

² РГИА, ф. 560, оп. 28, ед. хр. 173, л. 174—193об.

дом свидания их с эмиром был отменен еще раньше. Отправка последним периодических посольств к Туркестанскому генерал-губернатору с основанием Политического агентства сократилась сама собою. В начале 90-х годов установился порядок, в силу которого посольства эмира стали прибывать в Ташкент лишь по два раза в год. Этот порядок существовал до 1898 года. В мае того же года военный министр (с 1898 г.) генерал А. Н. Куропаткин предложил принять в отношении подарков, подносимых эмиром, следующие меры, которые были призваны скорректировать сложившуюся практику:

1) «Обмен периодических посольств и подарков между Эмиром Бухарским и Туркестанским генерал-губернатором производить один раз в год, предложив Генерал-Губернатору хотя бы часть полученных им подарков обращать на дела местной благотворительности, а другою пользоваться по своему усмотрению, но не продавая их в Генерал-Губернаторском доме.

2) По всем текущим вопросам и по отдариванию подарками ограничиваться периодическими командировками Генерал-Губернатором военных и гражданских чинов администрации края, но не более двух раз в год. О командировках же сверх указанной нормы, если бы таковые понадобились, сноситься с Военным Министерством. Во всех же остальных случаях сноситься с Эмиром через Политического Агента.

3) Случайные подарки, жалуемые Эмиром по личному Его усмотрению лицам, оказавшим Ему особые услуги, как в Бухаре, так и во время путешествия Его Высочества по России дозволить принимать.

4) Рекомендовать Генерал-Губернатору строгий выбор должностных лиц, служащих в пределах Ханства (как военных, так и гражданских) и в особенности избегать назначения лиц, обремененных долгами.

5) Отменить совершенно обмен посольств и подарков между Эмиром и Самаркандским Военным Губернатором, а также и посылку подарков Эмиром военным и гражданским чинам в Ташкенте, Асхабаде и Самарканде».

Как мы видим, предложения генерала Куропаткина касаются ряда бытовых ситуаций, которые сопровождались рассматриваемым обычаем. При этом генералом Куропаткиным, долгое

время служившим в Средней Азии и бывшим знатоком местных обычаев, было высказано, однако, дипломатичное мнение, что «прекращение поднесения всякого рода подарков было бы мерою, нарушающей народные обычаи и неудобной в двух отношениях: во-первых, она ограничивала бы личные права Эмира, официально признанного владетельным лицом, и была бы оскорбительна для Его достоинства, а во-вторых, мера эта могла бы привести к тому, что в некоторых случаях явные подарки вещами заменялись бы тайными денежными субсидиями».

11 августа 1898 года по ходатайству генерала Куропаткин был возбужден вопрос о совершенном прекращении посольств с подарками от эмира к генерал-губернатору, на что 17 сентября последовало высочайшее соизволение императора. Обо всех упомянутых выше правилах эмир был поставлен в известность через Политическое агентство. Однако, не взирая на это, и после 1898 года практика присылки эмиром подарков в Ташкент продолжалась. Изменился лишь характер подношений и их размер, т. е. вместо прежних многочисленных тюков с халатами, лошадей с конскими уборами и т. п., как это было ранее, в Ташкент стали посылаться некоторые образцы произведений Бухарского ханства. При этом почти совершенно прекратилась продажа подарков, практиковавшаяся раньше в широких размерах (о чем более подробно будет сказано далее). Также значительно сузился круг лиц, которым посылались подарки, и последние стали подносить лишь лицам, так или иначе непосредственно причастным к приему эмирских посольств, во главе которых к тому же в последующее время обычно состоял наследник эмира.

Однако принятые меры не решили радикально вопрос о «бухарских подарках», поэтому к концу 1900-х гг. эта тема вновь возникла в недрах военной администрации Туркестанского края. Толчком к ее возобновлению послужило одно из так называемых «Ташкентских совещаний», которое состоялось 10—11 августа 1909 г. под председательством тогдашнего (с начала 1909 г.) туркестанского генерала-губернатора генерал-лейтенанта А. В. Самсонова. Основная тема этих совещаний была посвящена бухарским и хивинским делам. На них обычно присутствовали военные губернаторы трех областей, входящих в Туркестанское генерал-губернаторство, политический агент в Бухаре, начальник штаба Туркестанского округа, управляющий канцелярией дипломатического чиновника. Кроме того, для разъясне-

ния технических вопросов в работе привлекался начальник Туркестанского таможенного округа.

На августовском (1909 г.) совещании, кроме изложенных основных тем, был рассмотрен и вопрос о «бухарских подарках». В аналитической части доклада о результатах работы совещания, в частности, указывалось, что обычаем поднесения бухарским и хивинским владельцами подарков лицам русской администрации установился со времени покорения Туркестанского края. По мнению участников совещания, в начале обыкновение было предназначено играть роль дани, которая должна была напоминать о вассальном положении ханств. В первое десятилетие XX века, когда Россия имела многочисленные доказательства своего сюзеренного права в этом регионе, казалось бы, не было более необходимости поддерживать эту старую систему подарков, которая на практике представляла ряд крупных неудобств, касающихся, прежде всего, моральных норм российского чиновничества военной администрации.

Прежде всего, как констатируется в документах, постепенно в отдельных случаях среди низших чинов создался взгляд на эти подарки как на законное добавление к жалованью, и таким образом появилась система двойной оплаты российских офицеров и чиновников. При этом отдариваться соизмеримыми подарками, как предполагала эта система в своем первоначальном виде, совершенно не представлялось возможным для лиц, живущих исключительно службой и не располагавших свободными средствами. В результате практикующаяся система подарков в реальности сводилась к одностороннему дарению, что, несомненно, создавало для стороны получающей чувство обязанности, которое могло быть весьма нежелательным образом влиять затем на независимость суждений и действий того или другого должностного лица.

По мнению, высказанному участниками Ташкентского совещания, «есть нечто весьма унижительное в принятии подобных подарков от людей совершенно иного положения и притом в значительной мере зависящих обыкновенно от одаряемого. Неудобны для нас и те откровенные толки, которые ведутся в Бухаре и Хиве каждый раз как перед поездкой того или другого высокопоставленного лица или посольства приходится вычислять стоимость подарков, которые придется раздать».

Все это, вместе взятое, давало пищу и для тех слухов, которые находили отклик в российской прессе и литературе. Таким

образом, на совещании не было найдено аргументов в оправдание существующего порядка, и все присутствовавшие единогласно высказали пожелание о запрещении принимать подарки.

Ввиду того, что попытки в этом направлении делались и до того времени, не достигая, однако, радикальных результатов, генералу А. В. Самсонову представлялось, что в данном случае была желательна высшая санкция со стороны императора и правительства, уклонение от которой было бы недопустимо.

Вместе с тем, признавал генерал Самсонов, было бы весьма неудобным, если бы отмена подарков, распространившись на всех чинов администрации, не коснулась главного начальника края, т. е. генерал-губернатора, положение которого должно являться примером для всех подчиненных. Вследствие этого, по его мнению, было «желательно полное и без всяких изъятий воспрещение принятия подношений со стороны азиатских владетелей, которые должны быть об этом предупреждены категорическим образом».

Аналогичное решение, по мнению участников совещания, должно быть принято в отношении офицеров, командируемых обычно для сопровождения эмира бухарского в Крым, Петербург и т. д. Предоставление содержания их эмиру, по их мнению, было «недопустимо с точки зрения достоинства лиц, носящих форму императорской армии. Если посылка их вызывается русскими интересами, например, в целях наблюдения или оказания должного почета дружественному вассалу Российской Империи, то все расходы по командированию должны падать на государственную казну, в противном случае нет никаких оснований, так сказать, ссужать Эмиру русских офицеров, что при малейшей невнимательности со стороны последних может повести к развитию недолжной самоуверенности и заносчивости восточного Правителя, в обращении которого уже и теперь проскальзывают слишком властные ноты...»

Такая крайняя позиция военной администрации Туркестанского края по рассматриваемому вопросу была значительно смягчена Министерством иностранных дел, которое поддержало инициативу в целом. Как полагали в МИДе, не было никаких оснований думать, что высказанное генералом Самсоновым мнение о желательности окончательного прекращения отныне всякого обмена подарками между Туркестанским генерал-губернатором и эмиром, а в особенности поднесения их чинов администрации Туркестанского края могло бы встретить

какие-либо серьезные препятствия на месте. Желательно было бы только, по мнению дипломатического ведомства, чтобы исходя из реальной дипломатической практики «эта мера проведена была с возможною постепенностью, дабы резкою переменною не подать повода к возникновению толков о каком-либо изменении характера взаимных отношений между Главным Начальником Края и Эмиром. Что касается вопроса о подарках, делаемых Эмиром лицам, сопровождающим Его в поездках или оказывающих Ему во время последних какие-либо услуги, то, казалось бы, едва ли было бы справедливо лишать Его Высочество права, которым пользуются не только Принцы, но и всякое высокопоставленное лицо, — дарить по своему усмотрению что-либо на память подобным лицам. Применительно к этому принципу в циркуляре Министерства Иностранных Дел, воспрещающем чинам этого ведомства принимать подарки, сделано изъятие относительно тех случаев, когда какой-нибудь агент Министерства окончательно покидает свой пост».

Во время приездов своих в Санкт-Петербург эмир, по установившемуся обычаю, подносил богатые подарки не только высочайшим особам, но и некоторым высокопоставленным лицам, причастным к делам ханства. Этот последний обычай, по мнению МИДа, мог бы также быть если не совершенно упразднен, то до известной степени ограничен поднесением лишь произведенный ханства и при том в самом небольшом количестве. В частности, относительно предстоящего на тот момент (т. е. начало 1910 г.) приезда эмира замечалось, что он уже вез с собою, согласно прежним примерам, определенное количество вещей, предназначенных для упомянутых лиц. Запрещение передать эти вещи по назначению могло поставить эмира в крайне неловкое положение в глазах его собственной свиты, а через последнюю, вероятно, считали дипломаты, и в глазах населения ханства. И чиновники, и народ могли бы усмотреть в этом отказ в принятии подарков, составляющий, по восточным понятиям, серьезную обиду. Поэтому, по мнению дипломатического ведомства, от подобной меры следовало бы ныне воздержаться. Так, по мнению дипломатов, подношения, делаемые эмиром во время его приездов в Санкт-Петербург высочайшим особам, несомненно имели характер «как бы дани». Экстраполируя традиционную практику взаимоотношений, существующую в Бухарском ханстве, на российско-бухарские отношения, дипломаты отмечали, что «по установленному в Бухаре порядку все бе-

ки (Губернаторы) периодически посылают Эмиру так называемых “токсан-тартук”, состоящий из самых разнообразных предметов местного производства, а также лошадей. Стоимость этих подношений покрывается из доходов данной провинции, большая часть которых представляется одновременно наличными деньгами. Этот обычай, несомненно, очень древний, напоминает, очевидно, ту весьма отдаленную эпоху, когда беки были еще полунезависимыми правителями, уплачивавшими Эмиру Бухарскому дань. Не подлежит сомнению, что дары, подносимые Эмиром ВЫСОЧАЙШИМ Особам в глазах населения Бухарского Ханства являются также своего рода “токсан-тартуком”. Ввиду этих соображений туркестанские чиновники рекомендовали не упразднить этот обычай, а только несколько видоизменить его.

Видоизменения эти, по мнению дипломатов, могли иметь следующий характер. Они указывали, что стоимость подношений, делаемых эмиром высочайшим особам, никогда не была с точностью установлена, но, по некоторым сведениям, она достигает довольно крупной цифры, возможно, в несколько сот тысяч рублей. В связи с этим можно было бы, например, дать понять эмиру, что императору, «весьма ценящему те чувства, которые побуждают Эмира делать означенные подношения, было бы приятно, если бы Его Высочество ограничился менее обильными дарами, но зато отмечал бы каждую Свою поездку к ВЫСОЧАЙШЕМУ Двору каким-нибудь крупным пожертвованием на какое-нибудь начинание на пользу населения Ханства».

Эмир, правда, и до этого всегда отмечал определенными пожертвованиями не только те случаи, когда он лично представлялся императору, но и всякого рода заметные события в царской семье. Однако большая часть этих пожертвований обращалась не непосредственно на пользу туземного населения ханства и нередко расходовалась за его пределами. К тому же размеры этих пожертвований пропорционально с реальными средствами эмира и в сравнении с пышными дарами за малым исключением, были довольно скромными.

Поэтому для осуществления изложенного выше предложения, как полагали в МИДе, было бы желательно, по возможности, установить какую-либо сумму (например, тысяч двести рублей), которую эмир должен был бы предоставлять на общепользные для населения его ханства начинания, характер кото-

рых мог бы каждый раз быть определяем сообразно с местными нуждами по предварительному соглашению между ним и туркестанским генерал-губернатором и которые приводились бы в исполнение под наблюдением политического агента в Бухаре.

Как мы видим, позиции военного и дипломатического ведомств по поводу «бухарских подарков», являвшихся в значительной степени определенным символическим маркером в дипломатической игре, которую вела Россия по отношению к Бухарскому ханству, значительно отличались. Эти ведомства отражали две позиции в отношении к Бухарскому ханству, которое находилось под протекторатом России. Если военное ведомство в лице военной администрации Туркестанского края стремилось, не взирая ни на какие дипломатические условности, максимально продемонстрировать влияние России в регионе, то дипломатические круги исходя из положения, которое занимал эмир и его государство в мусульманском мире, настаивали на том, чтобы эти демонстрации были максимально смягчены, в том числе и в символическом плане. Это противостояние двух ведомств — военного и дипломатического — можно признать классическим в мировой практике, характерным практически для всех политических систем.

Кроме упомянутой выше дискуссии о символических знаках, в том числе подарках сюзерену, между военным дипломатическим ведомством возникла также дискуссия о бухарской армии, причем также в ключе политического престижа. Если военное ведомство в силу реально оцениваемого невысокого боевого состояния бухарской армии предлагало ее вообще упразднить, а на деньги, на которые эта армия содержалась, финансировались находящиеся на территории ханства российские войска, то российский МИД, в противовес этому, высказал следующее мнение:

«Бухарское войско являлось, с одной стороны, одним из главных признаков внутренней самостоятельности эмира, а с другой — вооруженною силою, предназначенной для поддержания порядка в стране. Даже в Индии, где туземные князья, вследствие почти поголовной своей задолженности Англо-Индийскому правительству, находились в значительно более тесной зависимости от своего сюзерена, большинство из туземных правителей содержало известное количество собственных войск, главным образом ради поддержания своего престижа. Лишение эмира бухарского собственной армии, с заменю по-

следней русскими войсками, несомненно, нанесло бы решительный удар его достоинству и его обаянию в глазах населения ханства. Что касается значения бухарских войск как внутренней стражи, то в истории ханства имелись указания, что войска эти неоднократно с успехом выполняли свои полицейские функции, в особенности в отдаленных восточных провинциях ханства. Не представляя собою правильно организованной армии, бухарские сербазы являлись, тем не менее, достаточно внушительной вооруженной силой в местных условиях».

Для России же замена бухарской армии русскими воинскими частями, с расположением их в разных местностях ханства, по мнению российского МИДа, представляла бы следующие неудобства.

Факт введения российских войск в ханство и сопряженного с этим увеличения состава войск Туркестанского военного округа не замедлил бы породить определенное беспокойство в Афганистане и Индии, где эта мера была бы обязательно истолкована как новое проявление русской наступательной политики в Средней Азии. Далее, было бы весьма нелегко установить взаимные отношения между российским военным начальством и туземными властями. Если в Российской империи отношения военных и гражданских властей были достаточно четко урегулированы законами, то применение их в Бухарском ханстве, по крайней мере, в той части их, которая касается права администрации требовать содействия военной силы, было едва ли выполнимо. Также было бы невозможно предоставить на усмотрение начальников российских, обычно мелких воинских частей, решение вопроса, когда и в какой мере им надлежит вмешиваться в местные дела. А между тем могли быть случаи, когда необходимость применения военной силы могла быть неотложна, и ожидать указаний политического агента за дальностью расстояния и отсутствием телеграфа было бы невозможно. Особенно затруднительным было бы положение российских войск, если бы где-либо возникли беспорядки по вине местных властей, и в этих случаях действия российских частей, направленные к реальному восстановлению порядка, определенно носили бы в глазах местного населения характер заступничества за означенные власти и т. д. Таким образом, по мнению МИДа, замена бухарских войск российскими, с одной стороны, нарушала бы внутреннюю автономию ханства, а с другой — выводила бы внутренние проблемы этого государства на внешнепо-

литический уровень, что было нежелательно в реальной обстановке того времени.

Руководящим же принципом России по отношению к Бухаре, указывал далее МИД, до сих пор было возможно меньшее вмешательство во внутренние дела ханства. Предоставляя эмиру как бы полную свободу действий и поддерживая всячески его престиж, в том числе и символическими средствами, Россия вместе с тем демонстрировала как правителю Афганистана, так и индийским владетельным князьям, что она совершенно не стремилась к расширению своих владений и охотно уживалась бок-о-бок со своими соседями при том лишь условии, что последние соблюдают в отношении ее дружественный и корректный образ действий.

По мнению российских дипломатов, сохраняя внутреннюю автономию Бухары, Россия была обязана во что бы то ни стало поддерживать престиж эмира в глазах его подданных, так как падение его авторитета не замедлило бы породить в ханстве такое хаотическое состояние, которое сделало бы непосредственное вмешательство России в его внутренние дела, а затем, вероятно, и полное присоединение его неизбежными. Установив этот принцип, по мнению дипломатов, российское правительство должно было считаться с фактом, что эмир как мусульманский правитель вынужден был строго придерживаться во всех своих действиях мусульманских законов и что самые благие начинания, по какой-либо причине не согласные с духом шариата, ему ни в каком случае навязываемы быть не могли. Не подлежало также сомнению, что проникнутое духом ислама население ханства, на что указывал политический агент в Бухаре, всегда было готово стать на защиту своих традиционных установлений и порядков, как бы они ни были для него разорительны, и восставать против даже самых полезных новшеств, вводимых по настоянию «неверных», т. е. российской администрации.

Таким образом, как мы видим, тема «бухарских подарков», как и вопрос об армии ханства, в российско-бухарских отношениях признавалась достаточно деликатной и рассматривалась в правительственных кругах с разных точек зрения. Рассматривая их с точки зрения символических аспектов межгосударственных отношений, можно подчеркнуть чрезвычайно гибкий подход российского правительства к вновь присоединяемым территориям в Средней Азии, чего нередко не хватало россий-

ским правителям в более позднее время. Стремясь сохранить (на определенное время) символические знаки суверенитета среднеазиатских государств, правительство стремилось максимально дистанцироваться от возможных негативных эмоциональных проявлений, в том числе и на религиозной почве, которые потенциально могут быть направлены на самые разные объекты власти, особенно в рамках прямого правления территорией со стороны империи, если она в том или другом виде демонстрирует свое присутствие в данном регионе.